

111/85686
(039)

Министерство образования Республики Беларусь

Учреждение образования

«Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка»

**Пушкин
и мировая культура**

Материалы II Международной
научной конференции

г. Минск, 9–10 февраля 2007 г.

Минск 2008

УДК 83.3:71
ББК 82.09:930.85
П913

Печатается по решению редакционно-издательского совета БГПУ

Редколлегия:

доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы БГПУ *Т.Е. Комаровская*;
кандидаты филологических наук, доценты кафедры русской и зарубежной литературы БГПУ *Т.С. Куцанова*, *О.Р. Хомякова* (науч.ред.), *Т.В. Данилович* (отв. ред.);
кандидаты педагогических наук, доценты кафедры русской и зарубежной литературы БГПУ *Н.Н. Ковалева*, *А.И. Гаранина*

Рецензенты:

доктор филологических наук, профессор кафедры русской литературы БГУ *И.С. Скоропанова*;
доктор филологических наук, профессор кафедры теории литературы БГУ *А.Н. Андреев*

П913 **Пушкин и мировая культура** : материалы II Междунар. науч. конф., г. Минск, 9–10 февр. 2007 г. / Бел. гос. пед. ун-т им. М. Танка; редкол. Т.Е. Комаровская [и др.]; науч. ред. О.Р. Хомякова; отв. ред. Т.В. Данилович. – Минск : БГПУ, 2008. – 212 с.

ISBN 978-985-501-475-2.

В сборнике рассматриваются актуальные вопросы поэтики и проблематики А.С. Пушкина, интертекстуальный пласт его произведений. Предложены новые подходы к изучению Пушкина в школе. Представлены разработки уроков по произведениям писателя, рекомендуемые способы развития творческой активности студентов-филологов на практических занятиях, посвященных А.С. Пушкину.

Адресуется ученым-филологам, преподавателям, аспирантам, студентам, широкому кругу читателей.

УДК 83.3:71
ББК 82.09:930.85

ISBN 978-985-501-475-2

© БГПУ, 2008

*И раздался в честь Науки
Песнь хор и пушек гром...*
А.С. Пушкин. Пир Петра Великого

9–10 февраля 2007 г. состоялась международная научная конференция «Пушкин и мировая культура». Это уже вторая, посвященная Пушкину конференция, организатором которой выступила кафедра русской и зарубежной литературы БГПУ (республиканская конференция проходила 15–16 декабря 1998 г.). Кафедра планирует проведение пушкинских конференций сделать систематичным с периодичностью в два года. Организаторы конференции полагают, что интеграция разрозненных усилий пушкинистов республики даст плодотворные результаты, а участие в такого рода научных встречах ученых из ближнего и дальнего зарубежья будет способствовать интенсификации обмена научно-исследовательским опытом. Благодаря тому имя Пушкина, поэта, занимающего особое место в русском сознании, Пушкин – начало всех начал – предвосхищает идеи и проблемы, магистральные пути и боковые ответвления развития русской литературы. Через призму всеобъемлющего явления Пушкина по-особенному глубоко прочитываются произведения мировой литературы. Пушкиноведение давно стало едва ли не самостоятельной отраслью литературоведческой науки, но при этом открыто направлениям и школам русского, белорусского, европейского литературоведения. Вокруг Пушкина вполне естественно объединяются не только пушкинисты, но и специалисты разных областей теории, истории литературы, литературной критики, культурологи и т. д.

Уже перечень вопросов, вынесенных на обсуждение на конференции 2007 г., свидетельствует о возможности для ученых самого разного профиля найти единомышленников, обменяться научной информацией. Это проблемы теоретического и исторического пушкиноведения (секция «Актуальные вопросы поэтики и проблематики творчества А.С. Пушкина» – руководители проф. И.П. Кудреватых, доц. О.Р. Хомякова), исследование пушкинского наследия в контексте русской, белорусской и мировой литератур (секция «Пушкин и мировая литература» – руководители проф. Т.Е. Автухович, доц. В.И. Гончаров), проблемы философии, истории, экономики, фольклористики, искусствоведения, этнографии, религиоведения (секция «Пушкин в культуре, науке и искусстве» – руководители проф. В.Ф. Соколова, доц. Т.С. Куцанова), проблемы изучения творчества А.С. Пушкина в школе и вузе (секция «Методические и методологические проблемы изучения творчества А.С. Пушкина – руководители проф. А.Н. Андреев, доц. С.В. Карпушин), проблемы герменевтики и рецептивной эстетики (секция «Интерпретация произведений А.С. Пушкина в современном литературоведении» – руководитель В.И. Самусенко).

Особо хочется отметить участие в конференции школьников и студентов (секция «Интерпретация произведений А.С. Пушкина в современном литературоведении»), сам факт выступления которых на серьезном научном форуме знаменателен. «Здравствуй, племя / Младое, незнакомое!» – радовался Пушкин продолжению, вечному обновлению жизни. Те, кто сделал первые шаги в науку, навсегда запомнят, что было это в дни памяти Пушкина в феврале 2007 г.

земляробчага каляндара, дзе прадметам культуры з'яўляецца непадзельная суцэльнасць Сусвету і чалавечага дому. Інтымныя адносіны хлебараба з нівай, вадой, сонцам адкрывалі новыя прасторы духоўнага самасцвярджэння. Еўрапейская культурфіласофская думка другой паловы XX ст. адчула пагрозу жорстка ўнармаванай рацыяналістычнай дэ-тэрмінацыі. В. Дыльтэй, Г. Зімэль, В. В'індэльбанд, Г. Рыкерт, А. Уайтхед, а ў XX ст. Б. Крочэ, Э. Гусэрль шмат увагі аддалі пытанням дыяды, сацыяцыі, інтымных адносін, інтуіцыі. Сацыялогія з разуменнем таксама ўзнікла на гэтым напрамку. Не спыняючыся спецыяльна на гэтым пытанні, усё ж варта адзначыць тры «ачышчальныя» работы Г. Когэна (1842–1918) – філосафа Марбургскай школы неакантыянства: «Логіка чыстага пазнання», «Этыка чыстай волі», «Эстэтыка чыстага пачуцця». Задачу «ачышчальнай» эстэтыкі філосаф бачыў у тварэнні «любаві да чалавека як самаадчування чалавечтва ў чалавеку» [3, с. 104].

А. Пушкіну, бадай, належыць наватарская роля ў адраджэнні і ўдасканаленні інтуітыўна-аналітычнай мадэлі мастацка-філасофскай логікі. Выдатным плёнам на гэтым напрамку пазначаны казкі Пушкіна. Галоўнай крыніцай энергіі ў іх з'яўляецца эстэтыка народнай утопіі-мары пра дзяржаву-дом. Ядро іх зместу складае мастацка-філасофская рэфлексія гісторыі Расіі:

*Сказка ложь, да в ней намек,
Добрым молодцам урок.*

Галоўнымі персанажамі тут з'яўляюцца Расія дэспатычная – «своенравна і ревнива», новая Расія – сірата-красуня, мёртвая царэўна; ваяўнічы, хоць і нікчэмны цар Дадон – увасабленне імперскага зла.

Агульна-філасофская схема, канцэпцыя-алюзія ўсё больш насычалася сацыяльным зместам. І крытэрыем ацэнкі былі чысціня, хараство, агульначалавечыя нормы дабрыві, увадзячы народнай культуры:

*Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битья,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.*

«Поэт и толпа», 1828

Літаратура

1. Пушкин А.С. Сочинения. – М.: Гос. изд-во худ. лит., – 1949.
2. Гётэ Ё.В. Фаўст. / Пераклад В. Сёмухі. – Мінск: Маст. літ., 1976.
3. Философия культуры / Ред. М.С. Каган [и др.]. – СПб.: «Лань», 1998.

Секция 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКИ ТВОРЧЕСТВА А.С. ПУШКИНА

И.П. Кудреватых (Минск)

ПОЭЗИЯ ГРАММАТИКИ А.С. ПУШКИНА

Любой текст, и художественный в том числе, организован по принципу системно-структурного, или системно-категориального и функционального единства. Но именно в художественном тексте, призванном эстетически воздействовать на читателя, функциональный аспект оказывается первостепенным и охватывает все уровни языковой системы. Устанавливая художественные достоинства того или иного произведения, степень его воздействия на читателя, мы в первую очередь анализируем те отношения в структурной организации целого, которые и определяют его значимость как системы. Поэтому задача исследователя заключается в умении найти «ключ» к дешифровке своеобразного кода – текста. «Произведение искусства, – писал Ю.М. Лотман, – соотносится не с одним, а с многими дешифрующими его кодами. Индивидуальное в художественном тексте – это не внесистемное, а многосистемное» [5, с. 123], поэтому могут наблюдаться несоответствия между системой форм и системой значений.

На материале стихотворений А.С. Пушкина проследим, каким образом это внесистемное соотносится системным и наоборот, т. е. установим индивидуально-авторское употребление и переосмысление единиц языка разных уровней как особую модель языкового сознания писателя.

А.С. Пушкин в своем творчестве осуществил синтез национальных способов поэтического выражения мысли, наметил новые подходы (поэтический, социальный, исторический) в создании литературных текстов. В лирических стихотворениях поэта неизменно присутствуют два семантических плана, два семантических центра, которые группируют вокруг себя лексико-функционально-семантические поля (ЛФСП) и оформляют отношения между ними на уровне целого произведения: это ЛФСП, эксплицированные местоимениями – «я» и «ты», «она» и «я». Употребление личных местоимений обладает высокой степенью абстракции и дает возможность через систему соотносенных с ними глагольных временных форм, составляющих поле абстрагированной персональности, передать эмоционально-экспрессивную силу текста. Богатейшая палитра глагольных временных форм в одном семантическом поле позволяет приблизить действие к читателю и передать целую гамму экспрессивных оттенков – горечи, нежной грусти, душевного смятения, борьбы чувств. Грамматически прошедшее время в наиболее общем смысле (претерит) охватывает все разновидности действия, способствуя созданию всеобъемлющего художественного образа.

Пушкин – непревзойденный мастер драматических коллизий между глагольными видами [6]. Именно глаголы, совмещая разные временные планы, становясь средством метафоризации, определяют границы ЛФСП с четкими ядерными структурами, обозначенными семантикой местоимений.

Приоритетные видо-временные формы глагола у Пушкина – имперфектные в сочетании с презентными, что дает возможность четко очертить временные рамки действия, т. е. именно грамматическая форма («поэзия грамматики») ассоциативно отражает конфликт чувства и мысли лирического героя. Образная ориентация глагольных форм просвечивается интегральными связями, «переключающими предметно-смысловое в сферу эмоционально-оценочного, образно-представяемого» [3, с. 16]. Грамматические значения «оживляют» семантику глаголов, определяя тем самым отношения, которые складываются в оппозиции местоимений – в данном случае это отношения контраста. В результате раскрывается мирообраз, «прошедший через эстетическую оценку» читателя [4], – образ одиночества, страдания, неразделенной любви.

А.С. Пушкин создал «новые приемы изображения, – писал В.В. Виноградов, – основанные на умолчаниях, на контрасте между экспрессивной сдержанностью, безразличием повествования и напряженной трагичностью ситуации» [1, с. 68]. Динамизм, который так свойствен лирике поэта, заключается прежде всего в стилистике синтаксиса, когда «согласованность противоречий» становится эмоциональным ядром грамматической структуры. Вся система образности как бы пропускается через призму субъективного восприятия лирического «я». Причем противоречивы не только отношения героев, но и сам герой. И эта противоречивость в чувствах, поступках проявляется на синтаксическом уровне, в резких переходах от описания состояния к эмоциональному выражению чувств, в неожиданных паузах. Кроме того, умолчание у Пушкина, оформленное либо многоточием, либо пропуском слов, – структурно значимый элемент, оно симптоматично, поскольку активно участвует в формировании глубинного смысла, создавая эмоционально-напряженные картины, на фоне которых разворачиваются конфликты. С другой стороны, умолчание в виде многоточия оформляет четкие границы между блоками информации (БИ), т. е. многоточие как композиционно активный элемент – стилистическая помета лирики А.С. Пушкина.

Структурно активным элементом выражения движения, организующим средством передачи ритмико-синтаксических значений становится у Пушкина союз *и* в различных значениях, «обманчивый», по выражению В.В. Виноградова, и полный внутренних контрастов. «Композиция пушкинского стихотворения, основанная на присоединительных конструкциях, поражала современников странностью и новизной смысловых связей, необычайностью логического движения. Она представлялась бурным потоком мысли, и пушкинское стихотворение казалось структурой причудливой, сложной и как бы ритмически взрывающейся изнутри внезапным напором неожиданных и острых образов» [1, с. 329]. Так, в стихотворении «Признание» именно ритм играет семантико-стилистическую роль, передавая волнение, необыкновенный накал чувств, страсти лирического героя. И роль союза *и* в соединительно-противительном значении, обозначающем переход от выражения состояния к внешнему выражению чувств, – не только замедлить движение, ослабить напряжение, как бы дать «вздохнуть» герою. С другой стороны, ритм помогает сегментировать стихотворение на блоки информации и установить их семантико-синтаксические отношения на уровне целого произведения.

При анализе лирических стихотворений поэта, темой которых является разлука, намечаются два основных приема в построении образов: 1) когда чувства и отношения героев подаются непосредственно через систему лексико-грамматических средств и 2) когда изображение чувств, страстей происходит опосредованно, через призму эмоцио-

нальных намеков – описания действий героев. Именно первый прием, построенный на оппозиции местоимений, прослеживается в стихотворениях «Для берегов отчизны дальней...», «Нет, нет, не должен я, не смею, не могу...», «Я вас любил», «Что в имени тебе моем?», «Признание» и др.

Установить типологию БИ, т. е. модель авторского мироощущения у Пушкина довольно сложно, поскольку каждое стихотворение – это особая структурная организация, характеризующаяся, с одной стороны, простотой и в то же время «элегантностью» фразы, ее способностью передавать тончайшие смысловые оттенки, а с другой стороны – «прозрачностью» содержания, что делает поэтическое восприятие более широким. Но, как заметил Ю.М. Лотман, «художественная простота сложнее, чем художественная сложность» [5, с. 26], так как простота – синоним художественного достоинства. И все-таки можно сделать некоторые выводы.

Основным поэтическим приемом пушкинской любовной лирики является прием обращения. Употребляя варианты *ты* и тождественные лексико-семантические структуры, Пушкин наделяет их новым содержанием, в результате происходит «приращение смысла», эксплицированного грамматико-фонологической структурой.

Глагольные формы несут в стихотворениях большую смысловую нагрузку, становясь семантическим центром, фокусом конфликта между «я» и «ты», «она» и «я», причем их позиция в структуре высказывания всегда актуальна, т. к. именно глаголы перетягивают на себя и логический, и эмфатический акценты – и в этом экспрессия повествования. В стихотворениях, ассоциативное поле которых составляет тема любви или отражены события, связанные с биографией поэта, актуализирующая функция глагольных форм утрачивается, происходит их десемантизация; они выполняют только структурную роль. Наибольшую значимость приобретают именные формы.

В результате можно определить грамматически доминирующий признак БИ у Пушкина, несущий большую прагматическую нагрузку. Так, по принципу бинарных оппозиций в конфликт вступают глагольные формы: 1) прошедшее / настоящее (будущее), устанавливающие границы БИ; 2) имперфект / перфект как отражение состояния лирического «я»; 3) изъявительное / повелительное наклонение как выражение чувств, а также стилистические приемы ретроспекции / проспекции, переводящие временную перспективу в план настоящего, которое воспринимается как личное. Пушкин «впервые включил... частное время героев в историческое время, сопоставил миг настоящего с прошедшим временем и вывел настоящее из прошедшего» [2, с. 161]. Его настоящее – это постоянный конфликт чувства и разума, находящий выражение в образной валентности глагольных форм, создающих временную перспективу. Имперфектный индикатив как основа любовной лирики Пушкина имеет различные функциональные содержания: с одной стороны, способствует динамизму, экспрессии чувств, с другой – указывает на проявление разумного начала, тем самым как бы замедляя действие и создавая условия для нового эмоционального всплеска.

Литература

1. Виноградов В.В. Стиль Пушкина. – М.: Худ. лит., 1941.
2. Егоров Б.Ф. Категория времени в русской поэзии XIX в. // Ритм, пространство и время в литературе и искусстве. – Л.: Наука, 1974.

3. Кожин А.Н. Стилистические средства авторского повествования в романе К.Федина «Костер» // Очерки по стилистике художественной речи. — М.: Наука, 1979.
4. Кожина М.Н. О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. — Пермь, 1966.
5. Лотман Ю.М. Анализ поэтического текста. — Л.: Просвещение, 1972.
6. Якобсон Р. Поэзия грамматики и грамматика поэзии. Семиотика / Общ. ред. Ю.С. Степанова. — М.: «Радуга», 1983.

О.Р. Хомякова (Минск)

ПОЭМА «ПОЛТАВА» В КОНТЕКСТЕ АПОСТОЛЬСКИХ ПОСЛАНИЙ

Современный исследователь, возражая против попыток «сделать Пушкина глубоким христианином», обратил внимание на то, что «все споры о религиозности Пушкина и отношении поэта к христианству ведутся главным образом по поводу его лирики. Вне этого разговора остаются роман в стихах «Евгений Онегин» и поэмы («Медный всадник», «Полтава», «Домик в Коломне», «Граф Нулин»), в которых не менее чем в поэзии выразился духовный мир поэта» [1, с. 15]. Нам представляется, что трактовка таких сокровенно-личностных моментов духовной жизни Пушкина, как вера или неверие, может быть корректно осуществлена только путем выявления наиболее естественного для его произведений (к какому бы роду литературы они не относились) контекста. Соображения о том, присутствует ли в произведении религиозная тематика, имеются ли религиозные герои, видимо, затрагивают лишь внешний пласт идейно-содержательного единства текста. Наличие или отсутствие внутренней духовной связи поэта с христианством обнаруживается в том, насколько вписывается определенный период его творчества в контекст христианской аксиологии. Если произведение несет в себе христианские ценности, если образы напитаны религиозной мыслью, обнаруживаемой по смежности или контрасту, со значительной степенью уверенности можно утверждать религиозность автора. Так, для произведений юного Пушкина естествен контекст вольтеровских сочинений с их вольномыслием и «площадной иронией». После 1826 г., года создания «Пророка», адекватное прочтение пушкинских текстов невозможно без учета контекста Библии. Появление в «Воспоминаниях в Царском селе» 1829 г. образа «отрока Библии, безумного расточителя» — одно из самых откровенных признаний раскаяния «блудного сына», «возвращение безумие расточительства духовных благ святой сокровищницы и вернувшегося в «родимую обитель»:

*Так отрок Библии, безумный расточитель,
До капли истощив раскаянья фиал,
Увидев, наконец, родимую обитель,
Главой поник и зарыдал.*

Аналогии с библейскими текстами проясняют смысл образов и образных ситуаций «Полтавы», существенно корректируют традиционное ее прочтение как поэмы, созданной в традициях классицизма и утверждающей приоритет разума над чувством, государственного над личностным, значительно углубляют образную перспективу, побуждают к иному, чем привычное, акцентированию смыслов.

Послания апостола Павла строятся на со- и противопоставлении Божиего и человеческого начал. «Немудрое Божие премудрее человеков, и немощное Божие сильнее че-

ловеков» (1 Кор. 1,25). Сюжет «Полтавы» в духе апостольских посланий организуется как опровержение «мудрости мудрецов» и «разума разумных» (см. 1 Кор. 1,19). Высшие идеальные установления духа, «премудрость Божия» противопоставляются в поэме «мудрости века сего» (1 Кор. 2,6), олицетворенной образами Мазепы и Кочубея. Подобно апостолу Павлу, Пушкин «уловляет мудрых в лукавстве их» (1 Кор. 3,19), показывая отпадение человека, опирающегося лишь на свой разум, от Бога.

В художественном мире «Полтавы» ни ум, ни чувство не делают человека счастливым. «Победители» в художественном мире Пушкина — «калифы на час», вынужденные снова и снова защищать отвоеванные позиции. Нет победы, которая была бы завоевана навсегда. И тот, кто «богат и славен», как Кочубей, может оказаться несчастным узником, отданным «врагу ... на поруганье». А вселикий гетман Украины Мазепа, становясь презренным изменником, трусливым беглецом от справедливого возмездия, отвергнутым любимой женщиной и родной землей, самый след могилы его забыт, вычеркнут из памяти народной («Забыт Мазепа с давних пор»).

Мир непостоянен и изменчив. Бывшие друзья, шедшие победителями по жизни («Их кони по полям победы скакали ропотом...»), оказываются непримиримыми врагами, и обоим покрывает мрачная тень несчастья, страдания, мук и смерти.

Не только люди, но и целые государства подвержены «пременам хребтя земного». И в их борьбе до самого последнего момента сохраняется неясность, кто победит в смертельной схватке: «Кочубей жь, решит заря». И шведы, «сыны любимые победы», не способны своевременно оценить возросший потенциал некогда побеждаемых русских войск. Шведский король Карл XII «силы нового врага / Успехом прошлым только мерит». И горе тому, кто, как Мазепа, «был ослеплен его отвагой», не учитывая постоянно меняющуюся ситуацию, пренебрегая динамикой жизни, которая дарует только «беглое счастье побед».

Для Пушкина, ни мудрость, ни опыт, ни хитрость и коварство не защищают от ударов судьбы, непредсказуемой, изменчивой, ошеломляющей (то сказочным везеньем Кочубея, вопреки ожиданиям, усиливая его позицию Мазепы), то сокрушительным и неожиданным падением, ослеплением мудрого, поражением сильного (ошибка Мазепы, поверившего в непобедимость Карла XII).

В «Полтаве», казалось бы, противопоставляются безрассудные порывы неблагоразумной юности («Так, своеволием пылая, роптала юность удалая») и умудренная жизненным опытом старость («Но старость ходит осторожно / И подозрительно глядит, / Чего нельзя и что возможно, / Еще не вдруг она решит»). В отличие от юной Марии, безоглядно отдающей своим чувствам, ее отец и годящийся ей в отцы любовник готовят свои планы долго и тщательно. Обзаводятся надежными сподвижниками («ищет он / Себе товарищей отважных, / Неколебимых, непродажных», — сказано о Кочубее; «В переговорах / Со мною оба короля»; «Друзей надежных я имею», — сказано о Мазепе). Обдумывают предстоящие сложности и возможные препятствия («Удар обдуман» — у Кочубея; «Готово все» — у Мазепы). Оценивают силы врага (Кочубей и его жена знают, «Как сила гетмана грозна, / Как он врагов своих карает, / Как государь ему внимает»; «Но не ему вести борьбу с самодержавным великаном», — соизмеряет Мазепа возможности Карла и Петра, «В неравный спор / Зачем вступает сей безумец», — сравнивает Мазепа себя с Кочубеем). Таятся и маскируются, вводят в заблуждение противника («Он зла Мазепе не желает», — внушает окружающим

«Зимнее утро» написано ямбом, быстрым, выразительным, живописным, очень простым размером. Ведь в жизни нет ничего сложного, если есть счастье, гармония – вот основная идея произведения. Эта мысль уже в первой строке стихотворения, но не каждый может ее рассмотреть. Закрытые от радостей жизни кучей бед и проблем, мы не можем увидеть всю ее красоту. Глаголы повелительного наклонения в первой и второй строках («проснись», «открой», «явись», «погляди») призывают нас хотя бы на некоторое время отбросить ком жизненных неурядиц, ощутить полноту жизни, «проснуться», почувствовать тепло от печки и свежесть морозного утра, насладиться рассветом, который всегда приходит после хмурого вечера и мрачной ночи. Главное – любить этот мир, уметь видеть и ценить его красоту, радоваться ей и делиться этой радостью с другими людьми.

И нельзя не согласиться со словами Фазиля Искандера: «По-моему, “Мороз и солнце; день чудесный...” – это не только прекрасные стихи, но и средство от простуды. И что еще важнее, средство от депрессии».

Содержание

ПЛЕНАРНОЕ ЗАСЕДАНИЕ	4	1
Андреев А.Н. ВОСПРИЯТИЕ ТЕКСТА КАК ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЦЕННОСТНЫХ ПАРАДИГМ (О ТОМ, КАК ПРОРОК ДОСТОЕВСКИЙ ИНТЕРПРЕТИРОВАЛ ПРОРОКА ПУШКИНА)	4+	6✓
Тычина М.А. КАТЭГОРІЯ ВЫПАДКУ Ў ТВОРЧАСЦІ А.С. ПУШКІНА	10	17
Скоропанова И.С. ПУШКИНСКИЙ КОД В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ АНАТОЛИЯ АНДРЕЕВА	13✓	0
Автухович Т.Е. ТОПОС ЭЛИЗИУМ В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.С. ПУШКИНА	18	3
Рагуля А.У. ФЕНОМЕН ЧЫСЦІНІ Ў ЭСТЭТЫЦЫ СЛОУНАЙ ТВОРЧАСЦІ	23	6✓
Секция 1. АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПОЭТИКИ И ПРОБЛЕМАТИКИ ТВОРЧЕСТВА		
А.С. ПУШКИНА	29	
Кудреватых И.П. ПОЭЗИЯ ГРАММАТИКИ А.С. ПУШКИНА	29	
Хомякова О.Р. ПОЭМА «ПОЛТАВА» В КОНТЕКСТЕ АПОСТОЛЬСКИХ ПОСЛАНИЙ	32	
Горбачев А.Ю. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВОБОДЫ В ЛИРИКЕ А.С. ПУШКИНА	39✓	
Смирнов А.С. ПРОБЛЕМА ИДЕНТИФИКАЦИИ ЛИЧНОСТИ В «ЕВГЕНИИ ОНЕГИНЕ»		
А.С. ПУШКИНА	43	
Яницкая С.С. РОМАНС В ПОЭЗИИ А.С. ПУШКИНА	46✓	
Куликова И.Д. ОБРАЗ ФРАНЦУЗА-ГУВЕРНЕРА В ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА	50	
Литвин Л.С. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОБРАЗА ГРИНЕВА В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ЗНАНИЙ	54	
Козлов П.И. ФРАЗЕОЛОГИЯ РОМАНА А.С. ПУШКИНА «КАПИТАНСКАЯ ДОЧКА»: ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	58	
Белюнова Л.А. СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ИСКАНИЯ А.С. ПУШКИНА	61	
Жукович Н.В. ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ ЭПИТЕТЫ А.С. ПУШКИНА	64	
Секция 2. ПУШКИН И МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА	70	
Гарадніцкі Я.А. ІНТУІТЫўНАЕ І РАЦЫЯНАЛЬНАЕ ЎСПРЫМАННЕ КЛАСІЧНА-ГАРМАЊІЧНАГА МАСТАЦТВА (А.С. ПУШКІН І М.А. БАГДАЊОВІЧ)	70	
Толчыкава Л.І. АЛЯКСАНДР ПУШКІН І АРКАДЗЬ КУЛЯШОУ: НЕКАТОРЫЯ АСПЕКТЫ РЭЦЭПЦЫІ	74	
Автухович Н.В. КРЕБИЙОН-СЫН В ТВОРЧЕСКОМ СОЗНАНИИ А.С. ПУШКИНА	80	
Борисеева Е.А. ПУШКИН В РОМАНАХ РОМЕНА ГАРИ	83	
Данилович Т.В. ПУШКИН И ЧИСТОЕ ИСКУССТВО	87	
Ковалева Н.Н., Лясецкая Т.Э. ПУШКИНСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ДРАМАТУРГИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО	90✓	
Кохно О.И. ПУШКИН В ЛИРИКЕ ПОЭТОВ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	93✓	
Жиркова М.А. «ПУШКИН В ПАРИЖЕ»: ФАНТАСТИЧЕСКИЙ РАССКАЗ САШИ ЧЕРНОГО	96	
Симонова Т.Г. ПРЕЛОМЛЕНИЕ ПУШКИНСКОЙ ТЕМЫ В МЕМУАРНОЙ СТИЛИЗАЦИИ Л. ГРОССМАНА «ЗАПИСКИ ДАРШИИАКА»	99	
Логвин Т.М. ПУШКИНСКИЕ МОТИВЫ В ПЕЙЗАЖАХ ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ	102	
Казаква Е.А. АВТОР И ЧИТАТЕЛЬ В СКАЗКАХ ПУШКИНА И ДЕТСКОЙ ПРОЗЕ ПЛАТОНОВА: ТИПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	105	
Секция 3. ПУШКИН В КУЛЬТУРЕ, НАУКЕ И ИСКУССТВЕ	109	
Соколова В.С. «ПЕРВЫЙ РУССКИЙ ГЕРДЕРЬЯНЕЦ» (К ВОПРОСУ О НАРОДОВЕДЧЕСКИХ ИНТЕРЕСАХ А.С. ПУШКИНА)	109	